

Цепь случайностей привела Наполеона к катастрофе Ватерлоо...

Последовательности меньшего значения были и продолжают быть наблюдаемы повсеместно, а посему существовали и тогда, когда Сидоров, после работы на Кирпичном, пешком, отмерив порядочный путь до Каргасокского Райпромкомбината, в надежде там получить аванс, - в пустую, без денег, возвращался домой, в разочарованных настроениях, соответствующих такому «подарку» злой обманщицы –судьбы. Пройдя, в сгущающихся сумерках сентябрьского дня, деревянный мост возле районной больницы, Сидоров стал подниматься по взлобку к Старому Каргаску, как вдруг!

(Случаи всегда начинаются ВДРУГ!)

Как вдруг зрение его уловило что-то серое, лежащее на краю езжей дороги. В то время каргасокский житель мимо беспризорного не проходил, не полюбопытствовав, что оно такое и если это даже такая мелочь, как гвоздь, то ведь гвоздь тоже может к делу пригодится.

Сидорову хватило пару шагов, дабы узреть вещь сказочную: серую кошелку инкассатора банка, запертой металлической застежкой! Такой фарт! Но опасный...

Скорее наитием, чем осознанием, Сидоров воровато огляделся и, убедившись, что в округе, уже тонущей в полумгле, его никто не видит, поспешно сунул кошелку под полу фуфайки, да припустил задами, минуя навесы для сушки кирпича-сырца кирпичного завода, к своему обиталищу. Одначе, в нем росло понимание им совершенного проступка, наказуемого уголовно, а может быть даже по универсальной статье 58ой!

Временами Сидоров потому замедлял ход в сомнениях, но ощущая сквозь материю кошелки тугую пачку денег, эти приступы честности исчезали, а ноги снова обретали прежнюю прыть.

У придворья коммунального жилища, в котором Сидоров бытовал одиноким холостяком, занимая отдельный закуток, он остановился, не решаясь нести казну домой... Мало ли что! Вдруг милиция нагрянет с повальными обысками квартир! Сидоров потому сунул кошелку в летнюю печурку, как по заказу сложенную соседями у самого прясла изгороди....

Скучно поужинав, Сидоров лег на кровать, долго ворочался, думая всякие тревожные мысли, пока, наконец, провалился в омут страшных снов...

Усталость и пережитая его организмом тревога, сковали Сидорова до позднего утра. Когда он, наконец, размежив очи, вышел до ветру, то увидел в летней печурке яркий пламень и соседку Марфу греющейся на печурке ведро полное воды! Такой неожиданный момент существования ударил Сидорова как оглоблей!

- Ты пошто это печку затопила! – яростно вырвалось у него. Но тут же он сообразил, что крики ему запрещены и даже наоборот, надо казаться безразличным, не вызывая подозрений и, главным ему теперь станет незаметно извлечь проклятую металлическую застежку инкассаторской кошелки из прогоревшей печурки! Вот так внезапно прикачнувшееся к Сидорову счастье, тут исчезло, превратившись для него в дым и пепел.

На этом бы мне поставить точку, но цепочка связующих обстоятельства случайностей, приведенных выше, не окончилась.

Марфа, уборщица одного незначительного учреждения Каргаска, два дня подряд замещала свою напарницу. Так Марфа обрела два свободных дня, решив их использовать хозяйственно -разумно, чтобы к зиме побелить заново свои две комнатки.

Ранним утром она, мелко наколов дрова, поднесла их к летней печурке потому, что жарко натопленная вечером дома русская печь, еще за ночь не остыла и хранила в своем тепле чугунок щей к обеду.

Итак, спозаранку Марфа начала свой день с придворовой печурки, собравшись зарядить ее дровами, но оказалось, что в ней уже что-то есть и возможно такое, что не горит вовсе. Пошарив в топочке рукой, она извлекла оттуда КОШЕЛКУ, напоминающую ту, которую ей ненароком пришлось видеть у местного инкассатора.

Извлекла и смертельно испугалась!

Однако кошелка не была пустой! А если в ней деньги? От такого факта Марфа пришла в дребезжащее состояние, без способности унять обуявший ее хоровод мыслей, и, с кошелкой в руке, кинулась к своему мужу в комнату.

-Ой, Саня, что содеялось то! Гля, что в печурке улишней нашей нашла!

Тот, увидев положенную перед ним находку жены, сразу смекнув, спросил:

-Видал ли тебя кто с ней?

-Никто не видал!

-Точно?

-Господи! Да никто! Говорят, тебе!

Тогда Александр взял кошелку, открыл металлическую защелку и вынул ее содержимое - пачку денег, перехваченную ниткой. При виде такого, Саня только смог выдохнуть растянутое:

-Та-ак!

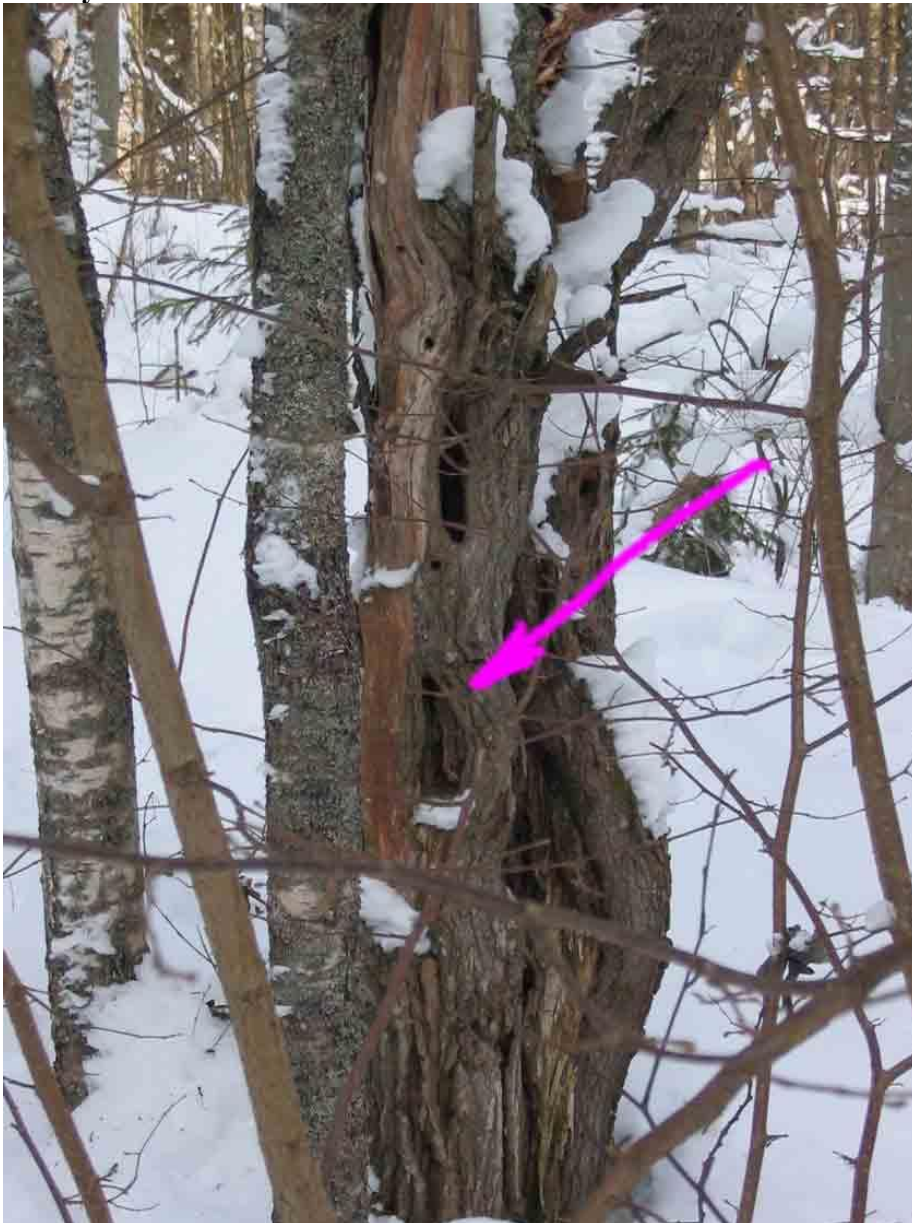
Но муж Марфы был человеком обстоятельным и умудренным суровым опытом советской жизни, способный быстро соображать и решать.

-Ты вот что! - велел он Марфе передавая ей пустую кошелку- мигом отправляйся назад и засунь сумку обратно в печурку, да стереги покуль сгорит! О случившемся ни гу-гу никому! Поняла!

Поняла, поняла Марфа все! Как не понять? И совершила все так, как ее надоумил муж.

Тем временем Саня обул бахилы, одел фуфайку, сунул пачку денег в карман, вышел во двор, внимательно кругом осмотрелся, потом перелез через жердяную городьбу и по прямым дунул в ближний лес, где разыскал старую осину, одетой густой моховой порослью ствола, в котором нашлось дупло, куда он засунул внезапно привалившее сокровище...

Прошло время, прошла и рассеялась молва о потере инкассатором денежной суммы, выпал снег и, хотя, теперь вроде бы можно отправиться за деньгами к заветной осине, да опасно это казалось из-за остающихся на снегу предательских следов. Саня с Марфой начали ждать метель, но погода только временами подсыпала малость снега, недостаточную, чтобы разом скрыть всякие оставленные в лесу наводки. Наконец завертело-забуранило так, что ни зги не видать: самое то, чтобы Александру пимы обувать, фуфайку одевать, да напялив ушанку, обвернувшись марфином платком, броситься в белую круговерть к заветной осине. Найти ее оказалось делом не легким. Александр даже взмок, бродя по изменившемуся зимой лесу, пока, наконец, нашел свою осину, одетую теперь в моховую шубу, пышно отороченную снегом.

Привстав на корневище, он запустил руку в дупло, но сколько ни шарил, денег, завернутых в тряпицу, не нашел, а вытащил только изгаженные обрывки того, что им в дупле было упрятано. Птица его счастья улетела, над ним посмеявшись!

...Лесопилка, перевезенная новым директором Каргасокского Райпромкомбината, Ворониным, прямо в лес за Старым Каргаском, пилила в две смены, покрывая прежнюю задолженность комбината районному бюджету. Кабинет директора ныне украшало Переходное Красное Знамя Победителя Социалистического Соревнования, а самому Воронину выпала некая премиальная сумма. Труженики же лесопилки от тех успехов ничего не имели, разве что зарплату им стали выплачивать своевременно, однако теперь ежедневно приходилось мерить путь на работу и обратно длиной в несколько километров.

Антига возвращалась с первой утренней смены усталой. Лесные работы легкими не назовешь. С места лесоповала до лесопилки была проложена деревянная колея, на подобие паровозной, по которой, уложенные на деревянные же вагонетки хлысты, свозились в штабеля у распиловочного станка. Дорога получилась несовершенной, вагонетка часто сходила с «рельс» и тогда приходилось «вагой», коротким шестом-рычагом, поднимать вагонетку снова на колею. Антига работала возницей, погоняя почтенной старости кобылу, впряженную в вагонетку, не отзывавшуюся на обычное для лошади «НУ!», но только на окрик похлеще. Труд этот был совсем не женским, все же только так становилось возможным заработать до 250 сталинских «рэ» в месяц.

(Больше, хоть разорвись, в комбинате простому рабочему не было положено. В стране социалистического хозяйствования, где все, вплоть до чиха, устанавливалось заранее планом, большее не полагалось.)

Админссыльная Антига, возвращалась домой в думах об оставленном дома малолетнем ребенке, и как ей его прокормить, согреть да одеть, ибо долгая сибирская морозная зима не солнечный Азербайджан... Сибирь ей чужая и все ей в ней чуждо... Тайгу она не любила, хмурость тайги угнетала. Выйдя сквозь темное густолесье прямохожей тропинкой на светлый простор опушки, откуда открывалась даль раскинувшейся внизу приобской поймы, в которой виднелись белые дымы Каргаска, столбами подпиравшие небо, Антига остановилась. Зрелище было такой красоты, что на душе посветлело. Полюбовавшись видом, Антига хотела продолжить свой путь, но тут, ВДРУГ, увидела, почти рядом с собой, в снежной пороше, край цветной бумажки. Удивленная таким, тут совершенно посторонним предметом, она нагнулась, сняла рукавицу, отгребла снег и подняла деньгзнак достоинством в пять червонцев...

ب الله оглянулся на сирость ее! ش

Вот так! Только и всего!

~~~~~

Баня. -----!

Эх, надо ли разьяснять чем является баня для русского человека! Можно сказать- она главное подспорье его нелегкого существования –источник здоровья, радости и душевного умиления во все времена- начиная с дней игорьевых до все еще продолжающегося неустройства нынешнего.

Неспособный охватит весь простор русской банной темы, огляжу только ее малую составную, кою часть наблюдал в Сибири, в славном Каргаске, админцентре одного из многочисленных мест, куда народная власть ссылала своих граждан, подозреваемых в крамоле, вольнодумстве или в сомнении о советских порядках.

Для ссыльного банька жизненно необходима и потому комендатурский спецпереселенец себе ее непременно строил в углу, на задках выделенного ему приусадебного участка, по своим силам и способностям, скромно, чаще всего по-черному. Строил низеньким срубом с дерновой крышей, кирпичной каменкой, соединенной отрезком, где-то добытой железной трубки с ёмкостью, чтобы, клокоча и стреляя паром, она нагревала в ней воду. Полок, керосиновая коптилка вместе с черпаком, шайкой и кадкой для холодной воды, дополняли обстановку. Воду брали сразу за пряслами в бочаге соседствующего болота, на гриве которого обычно лежало поселение.

Холодная, темная и сырая обыкновенно, истопленная она становилась уютно-родной, сухой, свежей, пахнувшей терпким ладаном смолы. Когда же моющийся поддавал пара шайкой настоем от замоченного в нем

веника весенней вязки,
то все в баньке
обдавалось жарким
духом весны в самые
лютые морозы.

Смыв соль лесных,
дорстроевских и иных
повинностей,
попарившись, согнав с
себя семь потов,
оздоровев и помолодев,
пробежав в чистом белом
исподнем босиком по
снежку до избы и

бухнувшись потом в свою кровать, спец вкушал высшее блаженство, единственную отраду в его подневольном существовании...

В нарымском комендатурском ссыльном районе с самых начальных времен население его делилось на две неравные части: большую- невольных и меньшую - вольных. Последние, в свою очередь, делились на беспартийных и партийных. Партийные – это было начальство, безоговорочные исполнители приказов свыше.

Нарымское начальство, среди местных: красное дворянство в подозрительной идеологической среде, запрещающей общение накоротке с прочим людом, и уже никак со ссыльными - *ибо противник коварен.*

Но вот, поди, при существовавших первоначальных обстоятельствах, приходилось начальству баниться в баньке спеца кулацкого прошлого, то есть, находиться беззащитно-голым в логове скрытого классового врага!

Вот потому, из соответственных отделов Каргаска: слались чередой заявления, постановления, решения в обком и даже в Москву, оканчивающихся просьбой о строительстве в райцентре культурной коммунальной бани.

Через время, наконец, дело услышалось, было принято во внимание в самой столице и двинулось. В некоем Московском НИИ, под руководством некоего головастого Крылова, для Каргаска был выработан проект наисовременнейшей общественной бани. Затем, как положено, проект вместе со сметой, был спущен для исполнения в область, где, для ее возведения в Каргаске, открыли финансирование и всю связанную с тем пухлую документацию выслали Каргасокскому райисполкому, а тот ее спустил, передав отделу районному коммунального хозяйства.

© www.ClipProject.info

Получив деньги, спецификации, разрядки и материалы, район в мобилизационном порядке, одним порывом, уже к осени возвел это свое банное чудо с паровым котлом, манометрами, термометрами, насосами и клапанами, с общей мыльней для пролетариата и отдельными номерами для партийной знати!

Таким счастливым разрешением банно-политической проблемы в селе Каргасок, можно бы это повествование окончить, если бы только

упомянутая баня с наступлением зимних холодов не стала предъявлять к своей службе требований оранжерейного цветка.

Совсем печально сделалось в наступившую военную пору, когда ядро банных специалистов Каргаска было призвано в армию и этим

техническое обслуживание сего цеха общественной гигиены не пошатнулось совершенно... Теперь, частенько, даже в небольшие морозы, ее паровое оборудование-манометры, термометры, насосы и клапана, выходили из строя, а начальству приходилось до конца не домывшись, возвращаться домой в застывшей мыльной пене...

Выходило, что коммунальная баня как бы есть, но одновременно и не существует - хождение в баню стало лотереей на удачу - которую определял счастливый случай. Народ-острослов потому это заведение стал называть Басней Крылова, тем намекая, что она просто миф не существующей реальности.

Делу не помогали грозные выговоры, смещения банного руководства, и, под конец, даже снятие с должности директора коммунхоза.

Трудно себе представить дальнейшее течение дел, если бы из глубин Васюганья, какими-то судьбами, не появился на картофельном поле коммунхоза, некий неизвестный отощавший ссыльный бессараб - как сторож. К зиме бедолагу перевели в баню дровоколом и сие стало началом его головокружительной карьеры, благодаря необычному таланту, небесами дарованному ему. Бессарабец сей имел божественное призвание банщика, - в нем таился каргасокский Сандунов. Он, в начале своего скромного банного поста, исправно колол дрова, не препятствуя своим соплеменникам по вечерам таской уносить домой по вязаночке дров, он заколотил дружбу со слесарями соседствующей МРС, бесплатно пропуская их в общую баню помыться, а те, в свою очередь, безвозмездно ремонтировали всю банную механику. Так он спас то, на что высокое районное руководство уже помышляло рукой махнуть.

И стала Баня Крылова всамделишной - работая по расписанию даже в самые крепчайшие сибирские морозы того года, паря и дымя своей железной трубой на подобие арктического ледокола «Седова» из славной северной эпопеи освоения Северного Морского Пути.

Старания бессарабца были замечены, и он справедливо возведен в ранг заведующего баней, получив при ней даже кабинет, куда поспешил перебраться из своей земляной сторожки картофельного поля.

Правда, кабинет этот скорее напоминал дно колодца. Натасканный ногами снег на полу не таял тут даже при докрасна раскаленной железной печурке,

тепло которой возносилось без пользы к несуразно высокому потолку каморки.

Но несколькими досками и горстью гвоздей, новоиспеченный заведующий соорудил себе под потолком нары и вечером, по прислоненной к ним лестнице, взбирался в это поднебесье, чтобы в тепле почивать до следующего утра.

Так жил он пока однажды, подбросив в печку последнее полено, поднялся в свое верхотурье и, глубоко уснув, не привиделся ему тут чудный сон: будто он снова в Молдавии- где стоит на скамейке, обрезая спелые сочные грозди в своем винограднике... И столь это все явственно ему видится, что даже слышится, как мать гремит посудой в кухне, откуда вкусно пахнет, и слышится, как мать его кличет к обеду, а он по ее зову спрыгивает со скамейки..... только не в Молдавии, но в тутошнюю банную явь, так полетев с нар, оказывается на полу своего колодца с переломом бедра... На этом его оставим...

Оставшаяся одна баня, лишившись бессарабской движущей пружины, стала спотыкаться на своем ходу... механизмы ее все чаще давали сбои, пока внезапно, неожиданно наставший мартовский мороз не подсек ее окончательно. Ее манометры, термометры, клапана и насосы промерзли, а котел звонко треснул и из его расскочившегося бока, вырос ледяной перст, указующий в сторону МРС.

Последующая затем цепочка событий проявила неустойчивость и слабинку дисциплины в партийных рядах Каргасокской организации ВКП(б).

Как было некогда, снова темными вечерами возобновились тайные посещения ответственными работниками спецовских бань, неся в своих портфелях ,вместе со сменой белья, мыло парфюмерной фабрики «Свобода» и флакон тройного одеколona.

Открывшаяся конъюнктура родила Баню Казанова, мигом срубившего на берегу Оби, под «Соединенными Штатами», из плавника баньку по белому, отвечая так на банный дефицит и обслуживая своих посетителей по высшему разряду. Тенденция росла.

Долго такое первый секретарь Угрюмов, конечно, терпеть не стал, но и сам не мог ходить немывтым. Однако, вот беда: в СССР все хозяйство учтено так, что каждая вещь имеет свой срок службы! Начиная с канцелярского пера и кончая Днепрогэсом! Новую баню Каргаска нельзя было строить до тех пор, пока срок службы Бани Крылова не вышел! Срок же службы ее, чтоб она сгорела, был еще в далеком будущем.

И что вы думали? Ведь сгорела родимая!

Сгорела она весной, после того, как основательно просохла, занявшись рано утром, горела споро и весело, так что прибывшим пожарникам тушить было уже нечего. Да и то сказать - пожарники с приездом особо не спешили, а местный пожинспектор не ломал голову, устанавливая причину возгорания, отнеся ее то ли к шаровой молнии, то ли самовозгоранию, приравняв случай к неоспоримой категории форс мажор, сиречь- непреодолимых природных сил.

Пусть там как, но после происшествия дело постройки новой бани получило сразу борзый ход.

Тому споспешествовал новый вал ссыльных из Прибалтики, вынесший, среди прочих, на обской берег рижского архитектора Никитина.

Соображаясь с местными климатическими условиями и наличными средствами, он все обдумав головой, поставил баню без котлов, манометров, насосов и клапанов, без номеров, но с одной большой общей светлой мыльней смежной с парной и совместной раздевальной. Все тепловые нужды бани покрывала огромная печь, составляя часть парной, согревая при этом огромный чан для горячей воды рядом с таким же чаном холодной. В оба воду, поднятую журавлем из колодца, подавали прямо по желобу.

Ладненькая такая получилась банька, хоть женскому и мужескому полу, дело понятное, надо было в ней мыться в разные дни недели. Удобной для масс и партийных кадров создалась!.

**Баню же Казанцева, начальнику райотдела, стало приказано
растащить по бревнышку. Время частного предпринимательство тогда
даже не мерещилось.**

